

Шэнь Тан решила, что всё будет как вчера, поэтому она спокойно ждала у Лухуалоу, время от времени подкармливая своего мото леденцами.

Кстати...

Почему мото ест леденцы?

Шэнь Тан, размышляя над этим, гладила его блестящую, гладкую шкуру, ей всё больше нравился этот мул. Он слизал с её ладони леденцы и всё ещё был голоден, он ткнулся головой в её живот и жадно смотрел на её поясную сумку.

Мото был очень умным, он знал, где леденцы.

Шэнь Тан взяла его за морду и строго сказала:

— Нельзя, больше нельзя! Ты мул, и ты слишком любишь сладкое, это ненормально... Нельзя, значит, нельзя, капризничать не получится, лизать меня тоже нельзя... Чёрт, ты аккуратнее, я не хочу, чтобы ты меня облизывал.

Она несколько раз отворачивалась, но мото продолжал преследовать её.

Хозяин вышел из Лухуалоу и увидел, как они играют, он улыбнулся и напомнил Шэнь Тан о её делах.

Он сказал:

— Девушка, поднимайтесь вверх.

Шэнь Тан и мото одновременно остановились, она погладила его и показала, что он может поиграть, у неё есть дела. мото понял и послушно, держа поводья, пошёл к дереву. Шэнь Тан сказала:

— Я пойду? Сегодня не нужно ждать в чайной комнате?

Хозяин ответил:

— Сегодня не нужно.

Шэнь Тан не стала задавать лишних вопросов, она пошла за хозяином в Лухуалоу.

Если не обращать внимания на лёгкую вуаль, на резные ажурные окна с эротическими изображениями, на картины с красавицами, которые висят на стенах... и на ароматный запах духов, то на первый взгляд это была обычная старинная таверна.

Лухуалоу днём был очень тихим, иногда можно было увидеть служанку, которая несла горячую воду, или слугу, который вытирал столы и пол полотенцем, всё было организовано и упорядочено, но в то же время странно пусто, только аромат духов, витающий в воздухе, безмолвно говорил о шумной роскоши прошлой ночи.

Сначала Шэнь Тан с любопытством оглядывалась по сторонам.

Но после пары взглядов ей стало скучно, и она убрала взгляд.

В главном зале Лухуалоу стоял симпатичный слуга, он уже давно ждал их. Он повёл их на второй этаж, в самую дальнюю комнату, он осторожно открыл резную деревянную дверь, боясь, что шум разбудит человека в комнате. Он тихо сказал:

— Господин находится в комнате, проходите, пожалуйста.

Шэнь Тан вернулась из своих мыслей.

Войдя в комнату, она сразу же увидела огромный круглый ширму, на которой была изображена панорамная картина заката в пустыне. Шэнь Тан слегка удивилась — в таком месте, как Лухуалоу, даже если они ставят ширму, то должны ставить картины с красавицами, не так ли?

Закат в пустыне?

Ещё больше её удивило то, что в комнате пахло нежными духами, совсем не похожими на сладкие ароматы в главном зале. Последние были резкими и душистыми, но если долго их нюхать, то они становились неприятными, а первые были как дикая орхидея, даже если их запах был не сильным, его нельзя было не заметить.

За ширмой была «спальня» того артиста.

Они могли только сесть на подушки перед ширмой.

— Это ты нарисовал?

Как только Шэнь Тан села, незнакомый голос юноши донёсся до неё сквозь ширму — странно,

это не тот юный артист, что был вчера?

Она подозрительно посмотрела на хозяина.

Хозяин тоже не знал, он подмигнул ей и ответил правду.

Шэнь Тан «смущенно» промямлила:

— Это не я рисовал, это мой старший брат. Вчера вечером я вернулась домой и начала рисовать, но он меня застал, он ругал меня, что я ещё слишком молода, чтобы заниматься этим, и у меня не было времени сообщить об этом хозяину и заказчику, поэтому он дорисовал за меня...

За ширмой воцарилась тишина, через некоторое время послышался звук падающей шашки, юноша сказал:

— Хм, неплохо нарисовано.

Шэнь Тан про себя фыркнула.

«Неплохо нарисовано? Ци Шань рисовал эти картины?»

Оказывается, в этом мире нет никого, кто разделял бы её эстетические вкусы, и она внезапно почувствовала одиночество и тоску по пониманию.

Шэнь Тан спросила:

— Заказчику понравилось?

Юноша ответил:

— П...

Он не успел договорить слово «о», как начал сильно кашлять, каждый кашель был короче предыдущего, это было так сильно, что казалось, что он сейчас выкашляет лёгкие. При таком состоянии здоровья этот парень всё ещё работает... он действительно трудолюбив.

Шэнь Тан снова отвлеклась.

Через некоторое время она услышала голос юноши, который она слышала вчера, он сказал:

— Господин Гу, как ты себя чувствуешь?

Юноша слабым голосом ответил:

— Всё в порядке.

Шэнь Тан снова отвлеклась.

Оказывается, этот юноша не артист Лухуалоу, а клиент, который пришёл развлечься... чёрт, вот так и умирают под цветущими пионами? Он кашляет, словно уже одной ногой в могиле, но у него ещё есть силы ходить в бордель?

В комнате повисла тишина.

Через некоторое время юноша сказал:

— Юный господин, ты ошибаешься.

Шэнь Тан была в замешательстве: «...»

Хозяин тоже был в замешательстве.

Юноша сделал глубокий вдох и с усмешкой сказал:

— Некоторые вещи можно услышать, даже если их не произносить вслух...

Шэнь Тан: «...»

Хозяин продолжал смотреть с недоумением.

Шэнь Тан чувствовала, что её пронзают взглядом, её волосы встали дыбом, она была уверена, что юноша говорил с ней. Но проблема в том, что она не привыкла говорить то, что думает, и она молчала, просто думала про себя...

«Чёрт, ты можешь слышать мои мысли?»

Юноша за ширмой молчал три секунды.

Он странным тоном спросил:

— Твой учитель не говорил тебе, чему должен научиться стратег?

Шэнь Тан была уверена, что юноша может читать её мысли, она перестала думать про себя и спросила:

— Чему?

Юноша ответил:

— Не показывать своих эмоций.

Он сказал это, и за ширмой снова послышался звук шелковой ткани, по мере того, как он приближался, фигура за ширмой становилась всё чётче.

Шэнь Тан подняла голову и встретила взглядом с незнакомым юношей, который вышел из-за ширмы, ей показалось, что он немного знаком.

Он был высокого роста, но выглядел неважно, он был болезненным. Хотя черты лица у него были красивыми, но у него было слишком мало мяса на щеках, под глазами были синяки, губы были бледными и слегка синеватыми. Он выглядел так, словно страдал чахоткой, как будто он был обречён на раннюю смерть!

Пока Шэнь Тан рассматривала юношу, он тоже осмотрел её своими холодными глазами.

В отличие от его очевидной болезни, этот юный господин был очень красив, у него были ясные брови, черты лица были более глубокими, чем у обычных людей, на первый взгляд он был немного похож на иностранца.

Если бы юноша хотел описать его одним словом, то не было бы слова более подходящего, чем «юный и горячий».

В истинном смысле слова «юный и горячий», юноша был в трёх-пяти шагах от него, и он мог чувствовать, как из него исходит горячая речь, словно огненный шар.

Он застыл и улыбнулся:

— Гадалка сказала, что я ещё смогу прожить двадцать-тридцать лет.